

Константин Готье

*Аэропорт,
или Два дня
с Анубисом*

Константин Готье

Аэропорт, или Два дня с Анубисом

«Издательские решения»

Готье К.

Аэропорт, или Два дня с Анубисом / К. Готье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748465-1

После бурно отмеченного выпускного Гийом попадает в структуру необычного аэропорта, куда вместо самолетов прибывают для реинкарнации души. Он работает под руководством самого Анубиса — обладателя ключей от царства мёртвых. Поначалу цель героя — всего лишь выйти сухим из воды и вернуться домой. Однако вскоре он ввязывается в сеть головокружительных интриг: он должен раскрыть и изловить астрального террориста, спасти свою напарницу и предотвратить новый революционный террор в Париже.

ISBN 978-5-44-748465-1

© Готье К.
© Издательские решения

Аэропорт, или Два дня с Анубисом

Константин Готье

© Константин Готье, 2017

ISBN 978-5-4474-8465-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сквозь плотно сомкнутые ресницы дневной свет настойчиво пытался пробиться к зрачкам и взорвать мой мозг. Пока я держался молодцом и для верности решил прикрыть глаза рукой, но не преуспел. Рука застыла на полпути и обессиленная плетью рухнула вниз. Это напряжение сил на короткое время снова погрузило меня в пучину сна, но свет с каждой минутой усиливался, наконец достиг своего апогея, и, в конце концов, сопротивляться ему стало попросту невозможно.

Внутри себя я уже почти полностью очнулся и теперь лишь искал возможность, для того, чтобы максимально безболезненно перешагнуть рубикон бодрствования.

Я выбрал момент и аккуратно приоткрыл глаза. Поначалу увиденное мной представляло собой лишь хаос цветowych пятен, но после нескольких попыток зрение всё-таки сфокусировалось, и я не без содрогания начал различать над собой далёкие, как Млечный путь, кроны деревьев и часть гигантского велосипедного руля. Я ощупал поверхность рядом с собой и обнаружил, что лежу на траве. Вместе с приглушенным солнечным светом ко мне начали возвращаться силы, а с ними – и обрывки сознания. Однако не в состоянии правильно истолковать происходящее, они хороводом кружили в голове и, так и не зацепившись за что-нибудь осязаемое и незыблемое, не вызывали ничего кроме головокружения и тошноты. Я пролежал ещё минут пять, отпустив мысли и пытаясь не напрягать память. Это помогло и наконец перед моим внутренним взором, пихаясь и отталкивая друг друга, как клошары в очереди за бесплатным супом на площади Революции, начали выстраиваться оборванные и куцые воспоминания о вчерашнем дне. Чуть в стороне, словно голодные сироты, ждущие, что и им перепадут остатки трапезы, теснились предположения о дне сегодняшнем.

Я обвел взглядом плавные изгибы руля и застонал. Конечно! Только в одном месте в Париже есть скульптура огромного велосипеда, наполовину вкопанного в землю.

Итак, я лежу на травке в парке Ла-Виллет. Ничего себе! Впрочем, ладно. Во всяком случае не на столе патологоанатома или под мостом канала Сен-Мартен.

Я снова закрыл глаза. Осознание этого, такого на первый взгляд простого и в тоже самое время невероятного факта, дало старт веренице воспоминаний, которые со скоростью автоматной очереди вспыхивали в моём мозгу.

Ла-Виллет... «Жеод»... зачем «Жеод»? Почему? А-а... мы пытались штурмом прорваться в сферический кинотеатр, чтобы под куполом... сделать что? Ещё раньше. Прогулка по каналу. Чья-то квартира... Ночной клуб... Площадь Пигаль... Ссора... С кем? Господи, неужели я поссорился с... ладно, это слишком сложно, с этим я разберусь попозже. Опять чья-то квартира... Переулок за колледжем. Так и наконец самое начало. Terminal. Мы празднуем окончание последнего класса. Ну что ж, всё мило и просто: это был выпускной.

Прежде чем окончательно слинять с чернокожей флористкой в Канаду в поисках лучшей жизни, мой папаша не очень-то мной и занимался. Он не был ни алкашом, ни буяном, ни даже занудой и хотя выпить любил и умел, я не мог найти достаточно эмоций, чтобы злиться на него после того, как он бросил нас с матерью одних. Кто знает, как сложится моя собственная судьба, и что буду вытворять в этой жизни я сам?

Так вот, о чём это я? Ах, да. Порой в порыве вдохновения, подкрепленного парой стаканчиков доброго португальского портвейна, он учил меня нехитрым премудростям жизни. И если в вопросах контрацепции и всевозможных видах сексуальных утех я скромно молчал, пропуская его советы мимо ушей, то последнее перед побегом напутствие почему-то врезалось мне в память.

«Ты уже взрослый, сынок, и вот что я тебе скажу. Скоро, а это будет, попомни мои слова, у тебя начнется череда посиделок с друзьями, вечеринок или ещё чего похуже. Выпускной, например. Друзья, девчонки, выпивка, недостаток храбрости и ты, конечно,хватишь лишнего. Ничего, так бывает. Но вот чтобы не наломать дров или не нажить себе неприятности на одно место, хорошенько запомни две вещи. Первое: никогда ничего не кури. И второе. Ты можешь пить виски, текилу или портвейн; можешь даже граппу, если она дорогая, или абсент, если он из Чехии или Бельгии. Но никогда, слышишь, никогда не пей русскую водку. И не потому, что это какая-то отравка или гадость, совсем наоборот; чистый продукт, и при определенных обстоятельствах утром даже голова не болит. Здесь дело в другом. Водка, сынок, барышня, во-первых, гордая и не в силах терпеть никого рядом с собой, а во-вторых, – коварная: сколько бы ты её не выпил, а за добавкой всё равно придётся бежать».

И вот теперь я вспомнил всё или почти всё, касающееся моего нынешнего плачевного состояния. Как в воду глядел мой беглый родитель. Действительно, в середине нашей вчерашней оргии, когда уже отгорели факелы самбуки и когда пальцы уже начало разъедать от соли и сока лаймов, кто-то притаранил пятилитровую подарочную бутылку Смирновской. После этого события приняли оборот настолько неконтролируемый и стихийный, что теперь я даже возблагодарил всевышнего за то, что очнулся на мягкой траве, а не на жёстком металлическом столе для препарации. Вот, правда, глюки... Ладно, бог с ними, с глюками, со временем и они пройдут.

Только я в очередной раз попытался подняться, как на фоне листвы возникла огромная собачья голова, на морде которой без труда читалось озабоченное и серьезное выражение. И всё бы ничего: собака и собака; мало что ли в парке собак? Вот только покоилась голова на вполне человеческих плечах. Для того, кто хоть раз заглядывал в учебник древнейшей истории, персонаж моего похмельного видения был более чем узнаваем. Отнюдь не последний из сонма египетских богов, проводник в царство мертвых, его величество Анубис собственной персоной.

По всей видимости мой разум не выдержал столь энергичного экскурса в прошлое и ещё нуждался в отдыхе и подзарядке.

Чтобы отогнать навязчивый глюк, я закрыл глаза, но сразу почувствовал, что кто-то немилосердно трясёт меня за плечи.

– Эй, чувак, просыпайся!

Я нехотя разлепил глаза, но треклятый морок никуда не делся. К тому же к собачьей голове прибавилось нечто ещё более интересное. Цвета окружающего пространства изменились до неузнаваемости, будто кто-то нахлобучил мне на нос очки со светофильтрами. Стволы деревьев цвета индиго ближе к кронам истончались до толщины мизинца, а листва приобрела оттенок морской волны с более или менее темными и светлыми вкраплениями; небо было разрисовано белыми и розовыми полосками и завитками, лишь трава осталась прежней, только стала значительно ярче и насыщенней. Всё, что я видел вокруг, включая летнюю сцену, подготовленную для джазового фестиваля, мерцало и переливалось, словно было заполнено мутной и плотной жидкостью; иногда ветер или какой-то неведомый энергетический поток отрывал и уносил с собой клочья цветочных пятен, на короткое мгновение меня очертания деревьев, скамеек и строений. Фантасмагорическое зрелище оказалось настолько завораживающим, что я начал судорожно припоминать рецепт вчерашнего пойла и порядок его употребления.

– Эй, чувак, пора уже!

Вот только собакоголовый источник беспокойства никуда исчезать не собирался.

– Вставай, вставай! Я не глюк, а ты не спишь.

И действительно пора бы уже окончательно проснуться. Я сел, опершись на вытянутые руки, с трудом поборол тошноту и головокружение, однако, и цветной колеблющийся мир, и богато разодетый Анубис всё ещё были на месте.

Я до боли протер глаза и ущипнул себя в нескольких местах. Безрезультатно: древнеегипетский бог сидел передо мной на корточках и терпеливо наблюдал мои тщетные попытки прийти в себя.

– ... и ты не умер, – он словно прочитал мои следующие мысли. – Так, нам уже пора. Собирайся и смирись: это реальность, ты не бредишь и видишь меня воочию. Давай вот только без обмороков, причитаний и глупых вопросов. Для начала: ты меня слышишь?

– Д-да... – проблеял я. А что мне ещё оставалось?

– Сейчас ты увидишь свой привычный мир.

Что-то небожно кольнуло меня в запястье, в то место, где обычно меряют пульс, и я в первый раз за это утро вздохнул полной грудью: всё вернулось на свои обычные места и приобрело привычные расцветки.

– Сидим на месте, на помощь не зовём, ажаны всё равно далеко, – остался лишь голос из потустороннего мира, – а теперь, смотри, то же самое, только в расширенной версии.

Я опять почувствовал укол и вновь оказался в водовороте красок и собачьей головой перед носом.

– Я – Анубис, – по слогам, как для малолетнего произнес он, – я не причиню тебе никакого вреда. Наоборот мне нужна твоя помощь. Кстати, вполне разделяю твоё удивление и нежелание принять ещё одну реальность, как данность, но тут я изменить ничего не могу.

– Моя помощь? Да что, тут, чёрт возьми, происходит? – заорал я, потом что есть силы надавил себе на точку пульса, но безрезультатно: ничего не изменилось.

– А... хе-хе... бесполезно, – осклабился мой собеседник, – у тебя ничего не получится. Годы тренировки.

Неожиданно для себя я решил сдаться. Ладно, галлюцинация это, дурацкий розыгрыш или флешмоб, или меня против воли погрузили в виртуальную реальность, не важно. Я решил принять правила игры, тем более, что кожей чувствовал, что ни сбежать, ни отделаться от моего новоиспеченного знакомого не получится.

– Хорошо, и что от меня требуется? – как можно более миролюбиво сказал я.

– Вот! – обрадованно раззявил пасть Анубис. – Совсем другое дело!

Потом принял торжественный и напыщенный вид, отчего мне сразу стало неуютно.

– Итак, – как дирижер перед началом концерта, он вскинул правую руку вверх, – ты удостоен великой чести. Тебе настоятельно предлагается сменить погружение в черно-синюю тоску стремления в посталкогольный катарсис и поучаствовать в великой миссии по разгрузке Радужных Ворот! Новые знакомства, знания, за которые любой медиум продал бы душу. К тому же, – заговорщически подмигнул он, – переезд в более благополучные потоки кармы.

При словах о новых знакомствах передо мной промелькнула череда древнеегипетских богов, особо задержавшись на боге с головой крокодила (хоть убей, не помню, как его зовут), а выражение «настоятельно предлагается» не оставляло особой свободы выбора и означало только то, что я влип.

– А отказаться я могу?

– А отказаться ты не можешь, – широко осклабившись произнес Анубис.

– А почему я? Какие Радужные ворота? И где мы находимся? Я что, избранный?

– Давай, Нео, по порядку, – ответил Анубис. – Почему ты? Во-первых. Несмотря на то что ты изо всех сил пытаешься корчить из себя закоренелого прагматика-атеиста, мне абсолютно точно известны твои более чем широкие взгляды на загробную жизнь, реинкарнацию

и посмертное существование. Кстати, ты довольно близко подобрался к истинному положению вещей.

– Ну да, – нехотя согласился я. Никогда, правда, не считал, что мой дикий коктейль из буддизма, индуизма и древнего язычества хоть каким-то боком близок к правде.

– Потом. У тебя неплохо развита интуиция. Вспомни, порой ты способен чувствовать нечто такое, чему и сам не можешь дать определения. Так?

Я опять был вынужден согласиться. Сейчас Анубис очень чётко и доходчиво сформулировал мысль, которая уже давно, как птица, кружилась над океаном в поисках суши, и теперь в безбрежном просторе для неё появился крохотный островок логики.

Стоп, стоп. И откуда он всё это знает? Хотя, что ему... Бог, всё-таки. Вот чёрт! У меня ж в телефоне целая коллекция порнушки... Неудобно-то как...

– Второе, наверное, самое важное, – как ни в чём ни бывало продолжил он. – Веришь ты или нет, но в одном из прошлых воплощений ты был жрецом Анубиса в Египте, в Кинополе, в период, как принято в вашей хронологии, раннего царства. В подтверждение этому ты, сам не зная почему, не далее, чем год назад выбил себе татуировку Анка. Поэтому, хотя ты и не можешь меня помнить, мы с тобой уже давно знакомы.

Был я жрецом или нет, не знаю, но вот поближе к паху, под шрамом от вырезанного аппендицита у меня действительно красовалась сине-зеленая татуировка Египетского креста.

– В-третьих, сейчас ты находишься в состоянии обостренного эмоционального восприятия.

– Это я-то? – выдавил я, пытаюсь унять приступы тошноты и на всякий случай прикрыв ладонью рот.

– Это ты-то, – на шакалей морде древнего бога расцвела ехидная улыбка, – человека с такого качественного перепооя ещё поискать надо!

«А ведь он прав, – подумал я, – с жёсткого бодуна всё ощущается значительно острее».

И дело даже не в том, что у тебя нервы торчат наружу. Ловишь себя на ощущении, что буквально «слышишь» мысли других людей. И ещё предчувствия, предчувствия – яркие, выпуклые и почти всегда сбываются.

– Остальное потом. Всё, поднимайся и пойдём, у нас мало времени. И обещаю, – Анубис торжественно приложил руку к груди, – задержу тебя не более, чем на два дня.

– Два дня? – чуть не задохнулся я от такой перспективы.

– Что-то не вижу энтузиазма. Ну да ладно, у меня для тебя есть и хорошая новость. – Анубис осклабился и стал похож на знаменитую собаку-улыбаку из интернета.

– Какая прелесть!

– У тебя есть напарник. Пойдём.

Сопротивляться было бесполезно. Я с трудом поднялся, безнадежно отряхнул с джинсов траву и нога за ногу поплёлся за обладателем ключей от царства мёртвых.

Дойдя до середины канала Сен-Мартен я наконец понял, что подразумевал Анубис, когда говорил, что у меня есть напарник. На середине одного из многочисленных мостов стояла хрупкая девушка и, как-то болезненно согнувшись, невидящим взглядом смотрела в мутно-зеленую воду.

Сначала Анубис дал мне листок мяты:

– Пожуй пока. А то у тебя во рту будто октябрь фест вчера проводили.

Потом мягко подкрался к девушке, а я отошёл на противоположную сторону, не желая пропустить шоу. Чтобы не упасть от неожиданно нахлынувшего на меня головокружения, я ухватился за ещё прохладные с утра перила моста и почувствовал упругий липкий комочек. Какая-то добрая душа прилепила туда жвачку, и теперь я с омерзением разглядывал на своей ладони бледно-розовый шарик, от которого исходил еле слышный запах клубники.

– Можно, конечно, попробовать и здесь, но смею утверждать, что для этих целей намного лучше подошла бы Сена. Переход в иной мир это всё-таки моя профессия и, чего уж там греха таить, творческая слабость.

С момента знакомства с древнеегипетским богом с перерывами на визги, обмороки и необходимые объяснения прошло минут двадцать.

– Ну вот посмотри, – Анубис взял её за руку и нажал на запястье, – видишь, твой привычный мир.

Судя по тому, как она начала крутить головой, для неё в этот момент он исчез, остался только всепонимающий и всепрощающий, даже немного заискивающий, голос.

– Вот, а теперь тоже самое, только пикселей побольше.

Он опять нажал ей на точку пульса, втащив её в странный непривычный мир, полный энергетических сгустков, потоков и колеблющихся от ходьбы и ветра разноцветных аур.

Судя по тому, что произнесла моя будущая напарница в следующий момент, эта шоковая презентация её окончательно убедила. Никогда бы не подумал, что существо, которому не менее пяти тысяч лет, можно чем бы то ни было удивить, однако, челюсть Анубиса чуть было не стукнулась об асфальт.

– А можно клыки потрогать?

Это милое анимешное замечание, будто спусковой механизм, дало старт буре эмоций, до тех пор запрятанных где-то глубоко внутри. Словно вода, прорвавшая плотину, неистовый поток рыданий вырвался наружу и грозился переполнить и так находившийся над уровнем дороги участок канала.

Девушка доверчиво прильнула к плечу, и сквозь полубессвязные бормотания и всхлипы я не без труда разобрал про единственного неповторимого, такого, какого до сих пор свет не видывал, её парня, а потом ещё раз тоже самое, только с эпитетом «подонок», помещенном в самое начало монолога.

Слёзы крупными горошинами катились по её лицу; одни достигали подбородка и, чуть побалансировав, разбивались в пыли иссохшей мостовой, другие – застревали на щеках и, подобно радужным жемчужинам, сверкали на солнце. Ни те и не другие не оставляли видимых следов растекшейся туши, что говорило о полном или почти полном отсутствии косметики.

Я только сейчас удосужился рассмотреть свою напарницу и нашел её скорее привлекательной, чем дурнушкой. Не портили её ни слезы, ни красные пятна на лице, и при условии необходимого апгрейда она могла бы быть просто неотразимой. Однако сейчас девушка придерживалась принципа «естественной красоты», что лично я считал лишь проявлением дешевого феминизма и эгоцентризма, и автоматически переходила для меня в разряд «человека-невидимки». Тут я был уперт, и ни что не могло поколебать моих убеждений. Если бы в один прекрасный момент все женщины планеты сговорились соблазнять мужчин лишь с помощью своей естественной красоты, то человечество вымерло бы быстрее, чем от пресловутой гомотолерантности.

– Ну, что ж, пора вам познакомиться, и в путь! – с воодушевлением произнёс Анубис. Может мне показалось, но в его голосе и жестах сквозило явное нетерпение. Он торопился и по всей видимости был заинтересован в нас больше, чем хотел это показать.

Жуткое похмелье ещё не прошло, но я с трудом выдавил из себя широкую и, как я надеялся, искреннюю улыбку.

– Гийом.

– Франсуаза, – сухо ответила моя потенциальная напарница, бросила на меня короткий, как бы осуждающий, взгляд, будто это я был виноват в её теперешнем положении, и быстро отвернулась.

– Пойдёмте, – Анубис жестом пригласил нас следовать за ним, – до первого места назначения нам с полчаса пешком; нас ждут через час, значит у вас есть время отпить кофе, а у меня – обрисовать вам суть нашего сотрудничества.

Кофе, это хорошо. Людям с качественного перепооя или попытки самоубийства кофе просто необходим. Некоторое время мы шли по набережной, затем свернули на бульвар Вилет, обогнули площадь Колонель Фабьен и устроились в пустой в этот час пиццерии «Дольче вита», что на углу Вик д’Азир и проспекта Клода Вильфо.

От ходьбы и принесённых переживаний я был как в тумане и до меня не сразу дошло, что компания наша, а точнее некоторые её представители, должны и обязаны вызывать у честных горожан и официантов шок и повергать их в паническое бегство. Только я поднял глаза на Анубиса, как тот, опередив меня, и, как всегда прочитав мысли, ответил:

– Все кроме вас воспринимают меня как человека с совершенно заурядной внешностью, такой, про которую говорят: посмотрел и забыл. Собственно всё зависит от первоначальных установок и восприятия. Вы видите меня таким, как я был, есть и буду на самом деле, потому что, во-первых, вы прекрасно знаете, как выглядит обладатель ключей от царства мертвых, а, смею вас уверить, девяносто процентов людей понятия об этом не имеют: уровень образования деградирует со скоростью схода лавины а Альпах. Во-вторых, потому что сами сейчас находитесь в пограничном между вашим и, скажем для простоты, загробном, миром, – Анубис вытянул тонкие губы трубочкой и с шумом втянул в себя пару глотков американо, – а в вашей реальности я либо невидим (так теряется меньше энергии), либо представляю собой нечто вроде голограммы. Мне есть что вам рассказать, и было бы странно, как вы внимаете неизвестно откуда взявшемуся голосу.

– Это да, – мы с Франсуазой переглянулись, и я снова уловил в её глазах какую-то странную озабоченность и недоверие.

– Итак, – начал было Анубис, но был бесцеремонно прерван резким звуком мобильного телефона: мне пришло сообщение, я автоматически провёл пальцем по экрану и уперся в лаконичное, написанное крупным шрифтом слово «козёл».

– Мишель... я... вот, – начал мямлить я, но, взглянув в глаза к собакоголовому владельцу Анка, понял, что время для шуток закончилось. Я отключил звук, но не телефон: боги богами, а отношения отношениями.

– Итак, буду по возможности краток. У нас мало времени, к тому же многое выходит за пределы вашего понимания, а что-то вы сможете понять только в процессе. Итак, – продолжил Анубис, – как вы, конечно, знаете, определенное количество душ каждый божий день освобождается от брэнной оболочки и отправляется в путь. Сначала взвешивание души или страшный суд, или, как угодно, это зависит от религии или верований, мы на этом останавливаться не будем, вас и выбрали в том числе потому, что вы имеете об этом более-менее правильное представление. Потом чистка или перезагрузка, как ближе для понимания; это что-то вроде встречи с создателем, богом или Великим Архитектором. Это тоже – как удобней. Потом погружение в океан информации с прицелом, так сказать, на будущее, и затем новая инкарнация. И так далее. Колесо Сансары будет вращаться до тех пор, пока душа не достигнет достаточного уровня осознанности и просветления, чтобы либо слиться в Нирване со всем сущим, либо воплотиться в новых творениях, ведь количество измерений и вселенных далеко превосходит ваши самые смелые предположения. Это очень упрощенно, но близко к фактам. Понятно?

Мы молча кивнули. Чего уж там? С древней Авесты и Греции до Юнга и Кастанеды все твердят об одном и том же, только разными словами. Хотя вот по поводу множества измерений и вселенных мне понравилось. Даже водочный туман в голове стал понемногу ослабевать и истончаться.

– Также наравне с душами отбывающими есть и души прибывающие, воплощающиеся на Земле. Это тоже не сложно, – Анубис снова сделал паузу достаточную лишь для того, чтобы мы кивнули головами. – Происходят эти процессы далеко небесконтрольно и только в определенных местах. Такое место для простоты понимания можно условно назвать аэропортом. Более того фактически так оно и есть: отбывающие, прибывающие; порой есть встречающие и провожающие, но об этом потом.

Дальше Анубис, постоянно морщась и пытаясь подобрать правильные слова, рассказал, что аэропорт – это место выхода силы, огромного количества энергии и в тоже самое время узел переплетения энергетических линий. Такие места существовали всегда, ещё до появления человека; люди только открывают их и именно вокруг таких мест селятся, строят города, вокзалы и опять же, аэропорты. Часто они находятся на местах геологических разломов или стыках тектонических плит, и если те меняют своё положение, то и они перемещаются вслед за ними. Этим и объясняется то, что некоторые древние города внезапно приходили в запустение или люди при загадочных обстоятельствах их покидали.

Интересно, конечно, кое-что даже принципиально новое, но сейчас меня больше беспокоила оскорбительная эсэмэска и опустевшая чашка кофе. Тон нашего нового знакомого изменился: из шутового запанибратского он стал серьёзен и не допускающим невнимания. Это не надо было объяснять, во всяком случае мне.

– И что из этого? – неожиданно раздался голос Франсуазы. —Мы-то вам зачем?

– Всё очень просто, – Анубис встал и отодвинул стул, показывая, что нам пора в путь. Послышался противный, режущий слух скрежет металла о кафельную плитку, отчего у меня внутри всё завибрировало, а кишки свернулись в узел. – У нас аврал и не хватает сотрудников.

– Как это? – ляпнул я, потому что чувствовал, что вслед за Франсуазой должен хоть как-то обозначить своё присутствие.

– Во-первых, увеличилось количество прибывающих. Сезонный фактор: весна располагает к романтике и шизофрении и, как следствие, к количеству спонтанных слияний между индивидами. К тому же... – на короткое мгновение древний бог замялся. – К тому же так случилось, что сейчас у нас... забастовка.

– Что, и у вас тоже? – у меня отвалилась челюсть.

– А ты думал! Что вверху, то и внизу. Вот что дано человеку высшими силами, так это его потенциальная осознанность, воображение и свобода выбора. А большинство людишек своими мыслеформами и действиями обгадили не только Землю, но и её ноосферу.

Мы молча вышли из кафе, переваривая свалившуюся на нас информацию.

– А во Франции, – продолжил Анубис, – забастовка это что?

– Это национальный вид спорта, – поддержала его Франсуаза.

– Вот. Совершенно правильное понимание вопроса. Поэтому-то вы нам и нужны. Когда в дело вмешивается пресловутый человеческий фактор, даже боги не всесильны.

Некоторое время мы шли по бульвару в абсолютном молчании: видимо, Анубис решил сделать передышку и дать нам привыкнуть к новому амплуа. Я решил воспользоваться моментом и судорожно пытался набрать в кармане сообщение. Наверное, мне это всё-таки удалось, потому что, как только наш провожатый решил продолжить, телефон, будто специально ожидая этого момента, сильно завибрировал и мой карман зазвенел мелочью.

– Молодость, молодость, – мечтательно протянул Анубис, – дела сердечные... Давай, посмотри, только быстро.

Сообщение оказалось менее лаконичным, нежели предыдущее, хотя и не содержало ни малейшего намека на то, что же произошло вчера вечером. Однако «видеть тебя не хочу» означало то, что накосячил я всё-таки основательно. Я с тоской осмотрел сияющий вокруг радужный трепещущий мир, апофеозом которого являлась черная шакаля голова божества, которое, оказывается, существовало на самом деле, и тяжело вздохнул. Нет, ну чёрт знает что,

ещё и память как отшибло. Ладно, разберемся. При условии, конечно, что наше потустороннее приключение окончится миром и возвращением домой.

– Итак, продолжим, – сказал Анубис.

– И чем мы, собственно, должны заниматься?

– Вот! – в голосе собакоголового послышались удовлетворенные нотки, – любопытство – первый признак возвращения к жизни!

– И что помешает нам слинять и манкировать наши обязанности? – услышал я свой голос как бы со стороны и содрогнулся. Наверно, чувство вины из-за ссоры и жуткое желание выпить ещё одну чашечку кофе всплыли из подсознания и затмили рассудок. Анубис резко повернулся, издал не обещающий ничего хорошего смешок и засунул руку за пазуху. Я машинально съезжился, будто ожидая удара, но, когда он выдернул руку из-под отделанной золотом тоги, там не оказалось ни меча, ни, на крайний случай, нунчак, а всего лишь туго свёрнутый свиток.

– Ты, что, совсем спятил? – скорее прочитал по губам, нежели услышал я шипение Франсуазы.

– Ну, что ж, для тех, кто ещё не до конца проникся важностью момента, придётся кое-что продемонстрировать, – широко улыбнулся древний бог и размашисто, будто кнутом, тряхнул свитком.

Раздался щелчок, один конец папируса раскрутился и светлым колышущимся прямоугольником застыл в полуметре от наших лиц. Анубис провел по нему большим и указательным пальцем, будто увеличивая фотографию на экране смартфона, и переливающееся цветное пятно разрослось до размера экрана в Аймаксе. Он нажал на одном из известных ему точек и радужные всполохи света, грозящие, как мне казалось, перелиться из глубины экрана наружу, постепенно уступили место приглушенному тусклому свету пасмурного ноябрьского дня. Через мгновение в клубящейся серой дымке проступили очертания реки, большой чёрной лодки и потом камышей, которые, как стражи, обступили нас с Франсуазой со всех сторон. Я не мог оторвать взгляда от происходящего; мне казалось, что мы полностью погрузились в изображение, хотя с другой стороны был уверен, что за моей спиной просыпается мой родной город. Я даже уловил шум проезжающих автомобилей и звон колокольчика на входной двери булочной, но внезапно ощутил, что мои ноздри наполняются запахом выброшенной на берег гниющей тины и застоявшейся воды, а ноги объаты ледяным холодом. Я опустил глаза вниз и обнаружил, что все мы по щиколотку стоим в воде у самого берега, а мимо нас степенно проплывает увеличившаяся в размерах лодка. На корме, отталкиваясь шестом, стоял высокого роста худой изможденный человек в широкополой чёрной шляпе и рваном плаще. В лодке сидело несколько человек, лиц которых я рассмотреть не мог; впрочем, всё моё внимание было приковано к странному лодочнику. От него, несмотря на его малопрезентабельный вид, веяло угрозой и безысходностью.

– А это – дедушка Харон, – как сквозь сон услышал я голос Анубиса, – он перевозит души умерших через реку Стикс. Но, если вы будете очень упираться, он сделает для вас исключение. И даже платы не возьмет.

В этот момент я встретился взглядом с Хароном, и от бездонного провала его глаз меня передёрнуло и скрутило от страха, а тело, несмотря на команды мозга немедленно бежать, зачленело на месте в состоянии гипнотической неподвижности. Я полностью осознавал, что то, что мы видим, не что иное, как голограмма, ролик в астральном Ютубе, и в тоже самое время ни секунды не сомневался, что мы находимся внутри этой сцены, что Харон на сто процентов реален и ему ничего не стоит выполнить угрозу. Видимо Франсуазу увиденное впечатлило не меньше моего, потому что, когда я смог оторвать взгляд от мрачной речной процессии, она, белая, как полотно, мелко дрожала.

Надо было что-то делать, и я примирительно развёл руки и промямлил что-то про то, что неправильно выразился и вообще не это имел в виду.

– Проняло? – заулыбался Анубис. – Во всяком случае вы теперь знаете точно, что кнут у меня есть. Пряник тоже имеется, но об этом попозже.

Он свернул изображение, дотронулся до свитка и экран погас. Потом свернул папирус и сунул его под тогу.

– Ну что, внимаем дальше?

– Да! – хором поспешно выкрикнули мы с Франсуазой.

– Итак, на чём, бишь, мы остановились?

– На забастовке и на наших обязанностях.

Наверно время было на исходе, потому что Анубис широко и быстро зашагал дальше, не переставая вещать об энергетических каналах, их назначении и природе. Мы бежали за ним вприпрыжку, пытаясь уловить информацию и оставляя на асфальте мокрые следы: «ролик» с Хароном в главной роли оказался более чем осязаемым.

Я почувствовал вибровывоз в кармане и осторожно вынул телефон. Про себя я решил твёрдо следовать всем наставлениям древнего бога и делать всё, что от меня требуется, лишь бы это фантастическое приключение побыстрее осталось в прошлом. Однако и дела земные не следовало пускать совсем уж на самотёк. Я открыл сообщение и увидел вполне себе ожидаемый текст: «Ещё бы ты что-нибудь помнил про вчерашнее». Далее следовало витиеватое ругательство и пожелание побыстрее оставить наш бранный мир. Блестящая интуиция: ведь я был уже одной ногой за его гранью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.